

Михаил НИСЕНБАУМ

ВРЕМЕНА ГОДО

Подсказка

Ночью желтый умопостигаем,
бездну листьями метут березы.
Нет просвета – есть смола проталин,
холода распахнутые позы.

Свежих шахт разинутые трубы,
гласных пересохшие колодцы.
На зимы порубленная грубо
гробовая тишина несется.

Лишь одна в отвалах безвременья
за ночную рябью листопада
зоркая звезда горит как надо,
высоко неся живое зренье.

Это точка гибельной эпохи,
аонид чердачное оконце.
Зреет, прозревает в Сандармохе
уцелевшее ночное солнце.

И в полярной ночи есть прореха,
вольности раскольничья опаска.
На ушко горит спасенье смеха,
дружества нагорная подсказка.

Арчимбольдо

1.

– Пожалуйста, если не больно,
сложи меня, как Арчимбольдо,
из тех вещей, что скоро портятся,

Михаил Нисенбаум родился в 1962 году в Нижнем Тагиле. Работал художником-оформителем и маляром, был учеником и секретарем проф. А.Ф. Лосева, двадцать лет преподавал латынь, занимался редакционно-издательской деятельностью. В настоящее время читает лекции по истории искусства, участвует в экспедициях по Русскому Северу, снимает документальное кино. Публиковался в журналах «Октябрь», «Волга». Автор нескольких книг стихов и прозы.

от взгляда вмиг воспламеняются,
срываются, спеша ускориться
и легче легкого ломаются.

Грудную клетку справь, как флейточку
из полых тростниковых веточек,
толкай по венам цвет пионовый,
цикад и солнц песок неоновый
и мрака не жалея любезного!
Сбрось из окошечка небесного
мой ум – из паутины лестницу.
Сложи меня...

– Что-то не клеится.

2.

Пожалуйста, если не больно,
сложи меня, как Арчимбольдо,
из затуманенных пейзажей
и сытных запахов гуаши,
из лени на июльских дачках,
шмелиных поп в цветочных пачках,
из нескончаемого бегства,
из комканого предков детства,
вагонов стука грозового,
сердцебиенья призового,
из хрупкостей огнеопасных,
противоречий непролазных,
из нестыковок, что не клеятся:
умножь, делись тем, что не делится.

Синь

Желтых птичек-мимоз: синь!
Свист выводит на слух цвет.
Каплю в лужи ладонь кинь,
милостынь межсезонных примет,

потаенно оттает вода,
чтоб по самому тонкому льду
цокала на цыпках звезда,
привкус пульса звенел во рту,

и в усопших деревьях, кустах
и с сутулых холмов спин
в желтых перышках бог Птах
солнцу марта свистел: синь!

Даль из-подо льда

Лед не останавливает реку.
Под корою лютого порядка
в глубину вперенное украдкой,
зрение не видно из-под века.

Что смотреть с закрытыми глазами?
Сны? Пророчества? Воспоминанья?
Пузырится паузы экзамен
линзой угнетенного сознания.

Лед – не потолок речного лёта, –
соль – жена сбегающего Лота.
В страшном сне страна остолбенела
во вчерашнем дне заостенела.

Даль реки – подледная свобода,
адресок нашептанный спасенья.
Мы храним в подполье небосвода
свет и грозовые отраженья.

Мне синицы свистом нагадали,
что февраль не держится годами.
Захрустят ледащие застенки.
Задрожат тюремщиков коленки.

Затрещит постылое надгробье,
исполняя волю половодья,
и от смерти бог оттаит плотью
прогревая травы свежей кровью.

Снег – это пресная соль небес,
манна пошаговой тишины.
Снег наш насущный даждь нам днесь –
перебелить черновик страны.

Отмель заката, гарь, колеи.
Соль под ногами – не соль земли.
Тлеет ад подошв на ходу,
легкий привкус войны во рту.

Космос с наших гниет голов:
лес в огне, проржавели льды.
Звезды отталкивает нелюбовь
в зимние хляби болотной воды.

Вместо сердец костры горят.
Вроде, бог – любовь, говорят?
Ну, обнимемся, мой дружок,
чтобы снова пошел снежок?

Сегодня не слыхивать слыхом
в берлогах дворов ни звука.
Смех смехом – медвежьим снегом
весь город с утра убаюкан.

Сугробов молчали звери,
и только в единственном доме
тихонько мяукали двери,
звоночек-чирик знакомо,

тянули дубовую ноту
томами тяжелые полки,
в стекляшках немого года
смеялись огня осколки.

Пока не раскутался город, –
огромный гул в колыбели, –
есть пара часов одобрить,
что слышать мы не умели.

Есть пара часов на точность,
любовь и хороший почерк,
на веру в господню очность
под кровом снега и прочих.

Аполлон заболел ветрянкой.
Мать Латона ворчит на сына,
окуная перышко в склянку,
злой зеленкой пятнает спину.

Рыжекудрая Афродита
заслоняет улыбку рукою:
зубы деве Гефест сердитый
вправил в брекет шаткой строкою.

Подними на уроке Гермеса –
не ответит он ни бельмеса:
засмотрелся до звону синю

на зевающую берегиню.

Дует март в миллионы дудок
любопытных грудных былинки,
убегает гулять рассудок
по дворам ожиданий длинных.

Береги весенние травы,
вороши предчувствия-мифы!
Время выть от противного нрава
переменчивой Суламифи.

Накануне божественной неги,
за неделю до полного блеска,
красоту лови за полвека,
не смежай в кои сонные веки.

Четвертое апреля

Слово «ноябрь» – ключи от дома,
слово «январь» – из той же связки.
Нас запирают снаружи снова
в прошлом, во льду, в Бугульме, в Белоярске.

Слово «март» словно ключ от машины.
Где он? В портфеле? Во сне? В кармане?
Сажай сугробов чернит вершины
двигатель муторного сгоранья.

«Апрель» – точно паспорт с открытой визой.
Кто забыл запереть ворота?
Тянет влагой сверху и снизу:
как-то знобит, зазывает кто-то.

Май, о май! Это даже не слово –
трав притяжательных дружное соло,
свист перелетный птичьего неба,
легких наречий пых, припевы.

Вёсны – ветер в окне вагона,
вёрсты в даль путешествий невольных,
встречи на зябком краю небосклона
и расставаний влюбленный воздух.

Слово «июнь» – полустанок в поле,
нежно-зеленый рой междометий.
Слово «июль» – табун глаголов,
зрение зреющих столетий.

В скважине ключ журчит скрипичный.
Дверь открывается – что творится!
Космос гляди какой симпатичный!
В вербном пушку у тлена рыльце.

Там

Нет никакого «там».
Смерть – это чистый спирт:
вдох за прекрасных дам,
смех про заочный вирт
с тем, что осталось здесь,
с той, что сияет днесь.

Просто в тот самый час,
в самый бессмертный миг,
счастьем двойным лучась
пей эту жизнь за двоих –
нынешнего молодца
и себя-мертвеца.

Только так ты найдешь
и не утратишь вдруг,
как лупит листья дождь,
что произносит друг.
Только в зренье двойном
вы спасетесь вдвоем.

Дрожью издалека,
блажью из нетей, недр
движимые пока
смертный вечер так щедр.
Мы наливаем рай
в склянку, чей треснул край.

Выживет здесь и там,
что ты забросишь вдаль,
даже не по летам
юношеская печаль.
Вписывай эпилог
в кровь сегодняшних строк.

Третье лето

Флорист лесов, холмов и полей,
ты пестрым жужжанием разнотравья
легко застилаешь широты шмелей,
долготы кузнечиков – цепкого рая.

Как ловко, легко, без малейших забот
на многие тысячи километров
тыводишь бодяк, иван-чай и осот,
огни кизилка с мхами северных фетров.

Лимонную льянку, зубцы василька,
яснотку и жаркую искру жучка.
Прошу тебя, мастер нарядного лета,
составь мои мысли в подобье букета,

чтоб тайная радость дышать и глядеть
на волны-валы дождевого разгула
душе не мешала сверкать и болеть:
пускай бы война уже охолонула,

защелкнулись остовы в темных шкафах,
отхлынул пожар непощенья в сердцах
и нынешних битв разрывные поля
опять разнотравьем лечила земля.

Садовник тайги, домовый пустырей,
заоблачный скульптор туманов и радуг,
затки львиным зевом наш век-колизей,
быльем умягчая булыжник парадов.

Пускай не «илы», а пчелы гудят,
пускай без осколков грозы гремят.
Пускай наши крови, дыханья, права
сживутся, как в поле цветы и трава.

Помраченно

Час, когда за раскаты грома
примешь дрожь борта грузового,
колесо чемоданного гроба
вдоль булыжника грозового.

День, когда запутаны лица –
суетливой тоски вязанье.
Провода мелькают, как спицы
в неурядице привокзальной.

Год, когда камланья тумана
в низком своде над головами,
как клубы дымящего стана,
что не станут никак облаками.

Расколдуй нам хоть на минуту
межеумочное «как будто»,
оторви пригвожденные краски
погребавшей нас злой сказки.

Дрожь мотылькового раскрылка,
обрывок гробовых пелен –
послание стихов в бутылке
доставит бог, как почтальон.

Он небо мирно обестучит,
всех воскресит – и всяк получит
вино причастья вскрытых строк,
когда, кому – нечеток срок.

Ведь стих, в отличие от писем,
хоть трижды адрес укажи,
от воли волн одних зависим,
от соли мировой души.

Слух – не замок с чудным секретом,
что отворяем словом-светом,
он – дар чудить и сочинять
и бездной звукам отвечать.

Кто внемлет, кто слова вдохнет,
зрачком додышит что поймет
и дальше перешлет в улыбке
крылатость строчек из бутылки:
что живо – жарче оживет.